

УДК 82-311.2

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-88-95

ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ Ф. ШИЛЛЕРА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

Грищенко А. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
E-mail: anastasiagrishchenko1999@gmail.com*

Статья посвящена выявлению и исследованию рецепции эстетико-философских концепций Ф. Шиллера в романе «Обрыв» как свидетельства мировоззренческого влияния принципов немецкого поэта, теоретика искусства, философа на И. А. Гончарова. Материал исследования позволяет утверждать, что теоретические работы Ф. Шиллера «Письма об эстетическом воспитании человека», «О грации и достоинстве», «О возвышенном», «О необходимых пределах применения художественных форм» оказали наибольшее влияние на романиста, что отражено в многочисленных межтекстовых связях. Проведенный анализ демонстрирует наличие идейного сходства творчества двух авторов, базирующегося на представлениях о сопряжении старого и нового жизненных укладов, о взаимодействии чувств и разума в человеке, на сходном восприятии категорий красоты и грации, определении черт истинного художника. Указанные категории являются ключевыми для формирования концепции «живой жизни» в романе И. А. Гончарова, который опирается на философско-эстетические воззрения своего предшественника, но творчески переосмысляет их. В исследовании делается вывод о том, что в романе «Обрыв» гармония разума и чувств в жизни человека является основой концепции «живой жизни», условием существования категорий красоты, грации и свободы.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, Ф. Шиллер, разумно-чувственная природа человека, живая жизнь, красота, грация.

ВВЕДЕНИЕ

Немецкая философия оказала заметное влияние на русскую литературную мысль XIX в. В. В. Кожин указывает на то, что в 1820 – 1830-х гг. немецкая философия и литература находились в центре внимания большого количества русских журналов и альманахов, а к 1840-м гг. полностью пропитали духовную жизнь России [6, с. 196–197]. В русской литературе осуществлялось художественное решение проблем, поставленных в теоретических трудах Канта, Гете, Шиллера, Шеллинга и др. Важно подчеркнуть, что происходило творческое развитие их идей, которое подразумевало «существенную полемику и диалектическое отрицание традиции» [6, с. 193].

Настоящий процесс нашел отражение в творческом наследии И. А. Гончарова, в произведениях которого были воплощены идеи, высказанные в трудах Ф. Шиллера. А. А. Бельская отмечает, что философ оказал большое воздействие на формирование мировоззрения Гончарова [3, с. 7]. Литературоведы неоднократно обращались к рассмотрению данного вопроса: были проанализированы философские взгляды писателя (Ю. А. Плужникова [7]), реализация концепций Ф. Шиллера в романе «Обломов» (П. Тирген [10]), философия личности в произведениях романиста (А. А. Бельская [3]), однако до сегодняшнего времени не была осмыслена проблема художественного отражения взглядов немецкого философа в романе «Обрыв», что подтверждает актуальность исследования.

Цель работы состоит в выявлении и анализе художественного воплощения философских идей Ф. Шиллера в романе И. А. Гончарова «Обрыв». Для достижения

поставленной цели были использованы историко-типологический, сравнительно-исторический методы, а также метод целостного анализа текста.

Знакомство И. А. Гончарова с теоретическими трудами Ф. Шиллера произошло на лекциях Н. И. Надеждина и С. П. Шевырева в Московском университете [10, с. 20]. Дальнейший интерес к творчеству философа подтверждается автобиографической заметкой «По желанию редакции “Художественного листка”...» [4, с. 221–230], а также отражается в корреспонденции писателя. Так, И. А. Гончаров отмечает, что во время своей чиновничьей службы в Петербурге он «свободное от службы время посвящал литературе» [4, с. 223], «переводил из *Шиллера*» (здесь и далее выделено мной. – А. Г.) [4, с. 223]. В письмах и статьях романист неоднократно ставил гений Шиллера в один ряд с Шекспиром и Мольером: «гении *Шекспира, Мольера, Шиллера*» [4, с. 488], «такие художественные праздники, как появление пьес *Шекспира, Мольера, Шиллера*» [4, с. 197]. Данные примеры подтверждают, что Шиллер был значимой фигурой в формировании художественного мира И. А. Гончарова.

В романе «Обрыв» нашли отражение идеи Ф. Шиллера, изложенные главным образом в таких его теоретических трудах, как «Письма об эстетическом воспитании человека», «О грации и достоинстве», «О возвышенном», «О нравственной пользе эстетических нравов», «О необходимых пределах применения художественных форм». Положения философии Шиллера наиболее ярко отражены в категориях старого и нового жизненного уклада, разумно-чувственной природы человека, красоты и грации, в определении черт истинного художника.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Старая и новая жизнь

Исследователи давно обратили внимание на то, что одной из центральных проблем романа «Обрыв» является противостояние старого и нового жизненных укладов [9, с. 431], которое проявляется в особенностях мировоззрения ключевых героев произведения. Определение принадлежности героя к новому или старому веку базируется на таких параметрах, как соотношение разума и чувства, восприятие религиозных ценностей и современных веяний науки, умение самостоятельно принимать решения.

Ф. Шиллер отмечает, что для человека характерно подчинение свободных суждений деспотическому мнению общества, чувств – его причудливым обычаям, воли – его соблазнам [11, с. 262]. Данные особенности свойственны героям, относящимся к старому веку. В этой связи симптоматичен диалог Райского с Софьей, указывающий на источник убеждений, которыми руководствуется девушка: «– Что у вас за страсть преследовать мои бедные *правила*? – Потому что они *не ваши*. – Чьи же? – *Тетушкины, бабушкины, дедушкины, прабабушкины, прадедушкины*» [5, с. 26].

Следование сложившимся законам, традициям, верованиям избавляет человека от «неприятной необходимости мыслить» [11, с. 274], поскольку он передает другим «право опеки над своими понятиями» [11, с. 274]. Данная особенность свойственна бабушке, которая в любой ситуации «говорит языком преданий, сыплет пословицы, готовые сентенции старой мудрости <...> весь наружный обряд жизни отправляется у ней *по затверженным правилам*» [5, с. 222]. Ф. Шиллер указывает на стремление человека строго следовать формулам, заготовленным для него государством и

духовенством [11, с. 274], однако И. А. Гончаров дополняет данное утверждение, обращая внимание на то, что жители провинции в большей степени действуют согласно шаблонам, отраженным в фольклорных памятниках (половицы, поговорки, предания).

Необходимо отметить, что в образе бабушки происходит совмещение черт старого и нового укладов, так как готовые формулы поведения дополняются здравым смыслом, житейской мудростью, собственными взглядами: «сквозь обветшавшую <...> мудрость у нее пробивалась живая струя *здрoвoгo пpактичecкoгo cмыcлa, coбcтвeннoгo идeй, взглядoв и пoнятий*» [5, с. 222].

Новый уклад жизни предполагает отрицание авторитетов («взгляд *пoлнoгo и дeрзкoгo oтpицания вceгo* <...> старой жизни, старой науки, старых добродетелей и пороков» [5, с. 660]), стремление к свободе как главной ценности во всех сферах жизни («Я тебе именно и несу проповедь этой *свoбoды!*» [5, с. 349]), ориентацию на достижения науки, а не на религиозные постулаты («На свет: *к нoвoй нaуке, к нoвoй жизни...*» [5, с. 520]).

Гончарову оказывается близкой и высказанная в работе «Письма об эстетическом воспитании человека» мысль Шиллера о том, что самой важной потребностью времени является развитие умения чувствовать [11, с. 274]. Не случайно одним из ключевых признаков нового века в «Обрыве» становится доминирование чувств над разумом, восприятие любви как природного влечения. Данная мысль неоднократно высказывается главным представителем нового времени, Марком Волоховым («...из *пpиpoднoгo влeчeния* делают правила <...> *Любовь* – счастье, данное человеку *пpиpoдoй...*» [5, с. 607]).

В «Предисловии к роману “Обрыв”» И. А. Гончаров высказывает мысль о равнозначности старого и нового времени, которые имеют «неисчерпаемую глубину и неизменные основы» [4, с. 159] в человеческой жизни и никогда не потеряют своей значимости [4, с. 159]. Писатель подчеркивает преемственность двух жизненных укладов, указывает на необходимость надстройки новых устоев на старый фундамент, поскольку новый уклад прочно укоренен в старом. Это его убеждение непосредственно вербализовано в следующих высказываниях: «семена всех этих новых идей, *нoвoй «цивилизации», <...> заключены в старом учении*» [5, с. 660–661], «праздновал *вeснy с нoвoй зeлeнью*, не провожая бесплодной и неблагодарной враждой *oтxoдящeгo пoрядкa и oтживaющиx нaчaл*, веря в их <...> *пpeeмcтвeннyю cвязь*» [5, с. 359].

Важно отметить, что герои, которым отданы симпатии автора (Вера, бабушка, Райский, Тушин), в полной мере не относятся к старому или новому веку, поскольку вобрали в себя лучшие качества каждого из них, сформировав в себе «живую жизнь» («вырабатывала себе из старой, “мертвой” жизни крепкую, *живую жизнь*» [5, с. 616]). Данный концепт подразумевает то, что на прежнюю незыблемую основу (мораль, вера, чувство долга) надстраивается природная логика; ум, сердце и воля находятся в гармонии. Эта мысль подтверждается И. А. Гончаровым в статье «Лучше поздно, чем никогда», где он пишет о том, что Вера «знала, что *oтжилo в старoй*, и давно тосковала, *искaлa cвeжeй, oсмыcлeннoй жизни*, хотела сознательно *нaйти и пpинять нoвyю пpавдy, удepжaв и вce пpочнoe, кoрeннoe, лyчшee в старoй жизни. Oнa xoтeлa нe paзpyшeния, a oбнoвлeния*» [4, с. 96].

Соотношение разума и чувств

Главным условием формирования «живой жизни» является баланс разума и чувств, который, согласно Ф. Шиллеру, становится условием возникновения свободы [11, с. 316]. По мнению философа, чувственные побуждения развиваются раньше разумных, поскольку «ощущение предшествует сознанию» [11, с. 317]. Переход от первого ко второму происходит посредством «среднего настроения» [11, с. 318], в котором разум и чувства «одновременно деятельны, но именно поэтому взаимно уничтожают свою определяющую силу и создают путем противоположения отрицание» [11, с. 318]. «Среднее настроение» в работе Ф. Шиллера именуется также свободным настроением, или эстетическим состоянием, которое воспринимается эквивалентом свободы, отобранной у человека и снова возвращенной [11, с. 321].

Концепция гармоничного взаимодействия разума, сердца и воли для формирования целостной личности находит подтверждение в характеристиках героев «Обрыва», живущих «живой» жизнью: «с умом у него дружно шло рядом и билось сердце <...> воля у него была послушным орудием умственной и нравственной силы» [5, с. 733], «не изменяет гармонии ума с сердцем и с волей» [5, с. 734]. Однако представители старого века лишены свободы («совершенно <...> умерщвление свободы духа, свободы ума, свободы сердца!» [5, с. 103]), поскольку разум берет верх над чувствами.

Согласованность чувств и разума, по мнению Шиллера, становится залогом того, что человек находится в гармонии с самим собой [11, с. 148], тогда как доминирование чувственной природы над разумной приводит к пробуждению в героях звериного начала. Ориентация Гончарова на данную шиллеровскую идею наиболее ощутима в образе Марка Волохова, «апостола» нового века, который неоднократно именуется писателем «зверем», тогда как Вера – «добычей» («как зверь, помчался в беседку, унося добычу» [5, с. 618], «непокорным зверем, уходящим от добычи» [5, с. 563]). Важно подчеркнуть, что Райский также осознает данное раздвоение в человеческой природе, поскольку, раскаиваясь в своем поступке, говорит: «не человек: зверь сделал это преступление» [5, с. 637].

Красота и грация

Гармония чувств и разума в работах Ф. Шиллера также неразрывно связана с категорией красоты. В статье «О возвышенном» он указывает на то, что в красоте разум и чувства согласуются друг с другом, что обуславливает притягательность данной категории [11, с. 494]. Красота является выражением свободы, что обусловлено соответствием чувственных стремлений законам разума [11, с. 149]. И. А. Гончаров разделяет данное представление: в романе истинная красота подразумевает соответствие внешней красоты внутренней.

Выразителем авторской точки зрения на прекрасное становится Райский как художник, поклоняющийся красоте. Герой находится в поиске «гармонии красоты наружной с красотой внутренней» [5, с. 540], утверждает, что «в женской высокой, чистой красоте <...> есть непременно ум <...> глупая красота – не красота» [5, с. 356]. Красота души наделяет человека и наружной красотой, тогда как глупый человек теряет внешнюю привлекательность («дура никогда не может быть красавицей, а дурная собой, но умная женщина часто блещит красотой» [5, с. 357]).

Таким образом, прослеживается воздействие концепции Ф. Шиллера на И. А. Гончарова, согласно которой физическое и морально-эстетическое состояния человека неразрывно связаны [11, с. 319].

Девушки, получающие у Райского наименование «статуи», наделены красотой, однако лишены способности сочувствовать, сопереживать, испытывать любовь и проявлять глубокие чувства, что указывает на их холодность и отчужденность от проблем окружающего мира. Так, статуями именуется две возлюбленные героя: Софья Беловодова («Это – *статуя*, прекрасная, но холодная и *без души*» [5, с. 503]) и Вера («она, как белая *статуя* в зелени, стоит неподвижно» [5, с. 575]). Е. В. Реутова отмечает, что И. А. Гончаров продолжает в романе разработку мотива об оживающей статуе посредством обращения к мифу о Пигмалионе и Галатее, который в творчестве писателя впервые был проявлен в романе «Обломов» в отношениях Ольги Ильинской с Обломовым [8, с. 103]. Условием оживления статуй является пробуждение героинь от девичества, превращение их в женщин, инициация. В романе происходит трансформация Веры («Совершилось *пробуждение* Веры, его *статуи*, от *девического сна*» [5, с. 623]), благодаря которой в чертах героини появляется «*новая, неотразимая красота*» [5, с. 623]. Тенденции к дальнейшему потенциальному пробуждению Софьи проявляются в деталях внешности и убранства комнаты героини [8, с. 104].

Ф. Шиллер придает особое значение категории грации как одному из видов проявления красоты. Так, в теоретической статье «О грации и достоинстве» высказывается суждение о том, что красота является созданием природы, тогда как грация зависит непосредственно от самой личности. Согласно представлениям немецкого мыслителя, «грация есть красота, которая не дана природой, а создается самим субъектом» [11, с. 119], «везде, где есть грация – двигателем является душа» [11, с. 119]. В романе «Обрыв» грация становится постоянной характеристикой Веры: «Ты вся – поэзия, *грация*» [5, с. 504], «фигура ее была полна задумчивой, нежной *грации*» [5, с. 711]. Таким образом, в Вере воплощен идеал женщины, в которой внутренняя красота тождественна внешней, чувства, разум и воля находятся в балансе. В письме Е. П. Майковой И. А. Гончаров пишет: «В 1849 году, когда я сам был на Волге <...> задумана была и Вера, никогда не существовавшая, – это *мой* тогдашний *идеал*» [4, с. 400].

Вере присуща истинная грация, тогда как Полине Крицкой – фальшивая, главными свойствами которой являются аффектация и стремление к возбуждению плотских желаний. Подобная характеристика героини вполне соответствует шиллеровскому суждению о том, что такая грация несовместима с подлинной красотой: «улыбку» она превращает в «гримасу», «игру взглядов» в «закатывание глаз» [11, с. 169].

Р. К. Бажанова, исследуя восприятие грации Ф. Шиллером, отмечает, что проявление данной категории для него возможно не только в движении, но и в статике, в состоянии покоя, когда в чертах лица отражается грация как следствие опыта [2]. Данная особенность у Гончарова наиболее отчетливо проявлена в образе бабушки, которая «постарела ровной, здоровою старостью» [5, с. 154]: красота ее души с возрастом отпечаталась на внешности («ни болезненных пятен, ни глубоких, нависших над глазами и ртом морщин, ни тусклого, скорбного взгляда!» [5, с. 154]), доброта запечатлелась в чертах лица («около губ ее улыбка образовала лучи» [5, с. 154]).

Черты истинного художника

В. Ф. Асмус акцентирует внимание на том, что, согласно теории Ф. Шиллера, объединение духовных и физических сил может произойти только в том случае, когда «человек, действует как художник, как творец художественной формы» [1, с. 54]. В работе «Письма об эстетическом воспитании человека» немецкий философ выделяет искусство как источник «истины и красоты», которые являются «необходимым условием существования человечности» [11, с. 322]. Ф. Шиллер проводит черту между истинным художественным гением и дилетантом / любителем. Характерными чертами художника-творца являются упорный труд, объединение стремлений к созданию целого и внимания к отделке каждой детали, взаимодействие рассудка и вдохновения [11, с. 376]. Дилетант, напротив, испытывает страх перед трудностями, стремится к скорости и легкости создания произведения, главной действующей силой для него является огонь воображения [11, с. 377].

Шиллеровская характеристика дилетанта соотносима с изображением Райского-художника, стремящегося создавать произведения быстро, без долгой и упорной отработки деталей («Воображение его вспыхивало, и он путем сверкнувшей догадки схватывал тень, верхушку истины, дорисовывал остальное и уже не шел долгим опытом и трудом завоевывать прочную победу» [5, с. 50]). Герой не готов к длительной и утомительной работе, которая предполагает многолетнее обучение, напряженный черновой, подготовительный труд. Вердикт Райскому выносит Кирилов, именующийся в романе «истинным», «цельным» художником: «В вас погибает талант <...> У вас недостает упорства, есть страстность, да страсти, терпенья нет!» [5, с. 130].

Противоположностью Райского являются его товарищи по академии, изо дня в день копирующие бюсты, изучающие анатомию человека («молчат и рисуют с бюстов» [5, с. 92]). Именно им со временем, в соответствии с теорией Ф. Шиллера, откроется источник «истинной красоты» [11, с. 377], так как они обладают знаниями и опытом, могут обуздать свое воображение. Однако И. А. Гончаров, переосмысляя концепцию философа, отмечает, что для становления истинного творца необходимы обе составляющие: не только настойчивость и терпеливость для отработки мельчайших деталей, но и талант, фантазия. В статье романиста «Лучше поздно, чем никогда» подтверждается мысль о том, что Райский талантлив, но вместе с тем подготовительная работа для развития способностей трудна, требует всего человека, и по этой причине неодолима для героя, выросшего «еще в период обломовского сна» [4, с. 85].

В то же время в предисловии к роману И. А. Гончаров замечает, что в образе Райского стремился изобразить не «тип художника-дилетанта» [4, с. 160], который уходит от строгой школы искусства, а представить «этюд психологического наблюдения над типом “неудачника”-художника» [4, с. 160], в котором воплотились как праздность, отсутствие необходимости ежедневного труда на благо общества, так и преобладание фантазии над остальными силами личности [4]. В этой характеристике явственно прослеживаются черты обломовщины, которые были отмечены как самим писателем, так и исследователями, проводившими параллели между Райским и Обломовым («Что такое Райский? Да все Обломов, то есть прямой, ближайший его сын, герой эпохи Пробуждения» [4, с. 82]). По мнению

И. А. Гончарова, именно обломовщина является причиной дилетантизма Райского: («остатки еще не вымершей *обломовщины* мешают ему обратить усвоенные понятия в дело» [4, с. 83]), сопоставляется с «гирами на ногах», которые тянут героя назад [4, с. 83].

ВЫВОДЫ

Исследование романа И. А. Гончарова «Обрыв» в контексте рецепции философских идей Ф. Шиллера позволяет подтвердить многочисленные межтекстовые связи между произведениями двух авторов. Значимое воздействие на мировоззрение романиста оказали такие теоретические труды немецкого поэта и философа, как «Письма об эстетическом воспитании человека», «О грации и достоинстве», «О возвышенном», «О необходимых пределах применения художественных форм». Влияние Ф. Шиллера в наибольшей степени отражено в выделенных категориях (старая и новая жизнь, разумно-чувственная природа человека, красота и грация, истинный художник), которые являются составляющими главного концепта романа – «живая жизнь». Главным условием формирования данного концепта является баланс разума и чувств, лежащий в основе философских концепций Ф. Шиллера. В героях, живущих «живой жизнью», объединены лучшие качества старого и нового укладов, разум и чувства находятся в гармонии, что является условием для проявления свободы, красоты и грации в человеке. Романист творчески продолжает идеи философа, рассматривая гармонию разумно-чувственной природы человека как условие существования категорий красоты и свободы. В романе «Обрыв» также отражена дифференциация понятий «красота» и «грация», изложенная в трудах Ф. Шиллера и переосмысленная И. А. Гончаровым. Так, красота является созданием природы и отражена во внешнем облике человека, тогда как грация – проявление внутренней красоты личности, которая только с течением времени отражается на внешности героя.

Список литературы

1. Асмус В. Ф. Некоторые вопросы эстетики Шиллера // Вопросы литературы. – 1957. – № 3. – С. 52–70.
2. Бажанова Р. К. Грация в зеркале греческого мифа, рецепция античности Ф. Шиллера и философии жизни // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 1. – С. 42–49. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gratsiya-v-zerkale-grecheskogo-mifa-retseptsii-antichnosti-f-shillera-i-filosofii-zhizni>. – (Дата обращения 09.01.2024).
3. Бельская А. А. Тургенев и Гончаров: принципы изображения человека: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01. – Москва, 1993. – 22 с.
4. Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. : Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. – М. : Худож. лит., 1955. – 466 с.
5. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 7. : Обрыв. – СПб. : Наука, 2004. – 773 с.
6. Кожин В. В. Немецкая классическая эстетика и русская литература // Традиция в истории культуры. – М. : Наука, 1978. – С. 191–197.
7. Плужникова Ю. А. Роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история» и «роман воспитания» в русской и немецкой литературе XVIII–XIX веков: эволюция жанра: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Ульяновск, 2012. – 162 с.
8. Реутова Е. В. Мотив оживающей статуи в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Пятый этаж. – 2018. – № 4. – С. 102–106.
9. Рыбасов А. П. Примечания // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. Обрыв. – М.: Худож. лит., 1954. – С. 431–454.

10. Тирген П. Обломов как человек-обломок (К постановке проблемы «Гончаров и Шиллер») // Русская литература. – 1990. – № 3. – С. 18–33.
11. Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. : Статьи по эстетике. – М. : Худож. лит., 1957. – 792 с.

References

1. Asmus V. F. *Nekotorye voprosy jestetiki Shillera* [Some questions of Schiller's aesthetics]. *Voprosy literatury*, 1957, no. 3, pp. 52–70.
2. Bazhanova R. K. *Gracija v zerkale grecheskogo mifa, recepcija antichnosti F. Shillera i filosofii zhizni* [Grace in the mirror of the greek myth, the reception of antiquity and the philosophy of life]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2014, no. 1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/gratsiya-v-zerkale-grecheskogo-mifa-retseptsii-antichnosti-f-shillera-i-filosofii-zhizni> (accessed 09 January 2024).
3. Bel'skaja A. A. *Turgenev i Goncharov: principy izobrazhenija cheloveka: Avtoref. diss. ... kand. filol. Nauk* [Turgenev and Goncharov: the principles of human representation. Abstract of thesis]. Moscow, 1993. 22 p.
4. Goncharov I. A. *Sobranie sochinenij v 8 t. T. 8. Stat'i, zametki, recenzii, avtobiografii, izbrannye pis'ma* [Collected Works in 8 v. Vol. 8. Articles, notes, reviews, autobiographies, selected letters]. Moscow, Hudozhestvenaja literatura Publ., 1955. 466 p.
5. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenij. i pisem in 20 t T. 7. Obryv*. [Complete collection of writings and letters in 20 vol. Vol. 7. Precipice]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2004. 773 p.
6. Kozhinov V. V. *Nemeckaja klassicheskaja jestetika i russkaja literature. Tradicija v istorii kul'tury* [German classical aesthetics and Russian literature. Tradition in the history of culture]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 191–197.
7. Pluzhnikova Ju. A. *Roman I. A. Goncharova «Obyknovennaja istorija» i «roman vospitanija» v russkoj i nemeckoj literature XVIII–XIX vekov: jevoljucija zhanra: dis. ... kand. filol. nauk* [I. A. Goncharov's novel "An Ordinary History" and "education novel" in Russian and German literature of the 18-19 centuries: evolution of the genre. Thesis]. Ul'janovsk, 2012. 162 p.
8. Reutova E. V. Motiv ozhivajushhej statui v romane I. A. Goncharova «Obryv» [The motif of a statue coming to life in I. A. Goncharov's novel "The Precipice"]. *Pjatyj jetazh*, 2018, no. 4, pp. 102–106.
9. Rybasov A. P. *Primechanija* [Notes]. *Goncharov I. A. Sobranie sochinenij v 8 t.* Moscow, Hudozhestvenaja literatura Publ., 1954. Vol. 6: Obryv, 1954, pp. 431–454.
10. Tirgen P. *Oblomov kak chelovek-oblomok (K postanovke problemy «Goncharov i Shiller»)* [Oblomov as a chip man (Towards a statement of the problem of "Goncharov and Schiller")]. *Russkaja literatura*, 1990, no. 3, pp. 18–33.
11. Shiller F. *Sobranie sochinenij v 7 t. T. 6. Stat'i po jestetike* [Collected Works in 7 v. Vol. 6. Articles on aesthetics.]. Moscow, Hudozhestvenaja literatura Publ., 1957. 792 p.

COMPREHENSION OF F. SCHILLER'S IDEAS IN THE NOVEL I. A. GONCHAROV'S NOVEL "THE PRECIPICE"

Grishchenko A. S.

This article is devoted to the identification and researching the reception of aesthetic and philosophical concepts of F. Schiller in the novel "The Precipice" as evidence of the worldview influence of the principles of the German poet, art theorist, philosopher on I. A. Goncharov. The material of the study allows us to determine which theoretical works of F. Schiller had the greatest influence on the novelist. The analysis demonstrates the presence of ideological similarity of the work of the two authors, based on ideas about the conjugation of old and new ways of life, about the interaction of feelings and reason in man, on a similar perception of the categories of beauty and grace, the definition of the traits of a true artist. These categories are key to the formation of the concept of "living life" in the novel of I. A. Goncharov, who relies on the philosophical and aesthetic views of his predecessor, but creatively rethinks them. The study concludes that in the novel "The Precipice" the harmony of reason and feelings in human life is the basis of the concept of "living life", the condition for the existence of the categories of beauty, grace and freedom.

Key words: I. A. Goncharov, F. Schiller, reasonable-sensual nature of man, living life, beauty, grace.